

Сильный талантом и духом

Мне посчастливилось близко знать двух неповторимых писателей из Чувашии – народного поэта Педера Хузангая и широко известного прозаика Власа Паймена. Никак не отваживался написать о них – слишком масштабные личности! Но вот 7 декабря 2001 года поздним утром при скоплении почитателей словесности на Самарской площади на доме № 203 областного центра была укреплена из черного мрамора памятная доска: «В этом доме жил и творил классик чувашской литературы XX века Влас Захарович Иванов-Паймен. 1907-1973 гг.» Ниже национального орнамента тот же текст на чувашском языке. Неистребимо всколыхнулось во мне далекое близкое...

Закат августа 1955 года. В Москву по обыкновению съезжаются студенты столичных вузов и мы, слушатели вновь учрежденных Высших литературных курсов Союза писателей СССР.

Комендантша восьмиквартирного особняка – временного общежития «литбурсаков» в писательском городке Переделкино – ввела меня в комнату на втором этаже.

– Петр Петрович, принимайте на постой бурятского хохла!

Старожил, прихрамывая и улыбаясь, поднялся из-за столика, протянул руку.

– Хохол бурятский да татарский чувашин – хай живет дружба народов! Хузангай – из Чебоксар.

– Толкач - из Улан-Удэ.

– Вот и ладненько. - Комендантша удалилась.

– А почему татарский чуваш?

– Моя родная деревня Сиктерма на юге Татарии.

Признаться, я очень мало, если не сказать совсем ничтожно, знал о Чувашии, ее исторических корнях. Петр Петрович в тот же вечер горячо

и заинтересованно рассказывал о своем народе, его культуре. Чуваши древнейшее племя в России. Самоназвание идет от предшественников сувазами, населявших Среднюю Волгу во времена болгарского царствования.

Петр Петрович был старше меня на 10 лет. Да и школа жизни пострее моей. Отечественная война неласково обошлась с Хузангаем – тяжелое увечье под Берлином – хромота «на всю оставшуюся жизнь». В литературной среде Чебоксар он «засветился» в 1924 году.

– В нашем писательском строю есть замечательнейший человечик – Влас Паймен. Пример для меня, образец мужества. Я еще только-только начинал, а он уже ходил в лауреатах республиканской премии за повесть «Дрожжи». В тринадцать лет взял в руку винтовку. На пламенных дорогах Гражданской войны встречался с Василием Чапаевым, Григорием Котовским....

Педер Хузангай ко времени нашего знакомства был уже народным поэтом Чувашской АССР. Его поэтические произведения были переведены на многие языки мира.

Педер Хузангай к той поре познакомил чувашского читателя на родном языке с произведениями Пушкина и Маяковского, Грибоедова и Шекспира, Есенина. Он был убежден, что работа над трудами крупных национальных писателей, истинных выразителей дум и чаяний коренного народа, нуждается в адском терпении и изощренном умении. Просто талант противится переводчику! Подстерегает опасность исказить невольно дух самобытности. Тем интереснее и увлекательнее занятие. Огромная ответственность!

– Вот читаю стихи в переводах с чувашского и порой не узнаю знакомые с детства строчки. Влас Паймен перевел на русский лирико-эпическую поэму нашего классика Константина Иванова. Вдохновенно перевел.

В другой раз, рассуждая о литературных особенностях жизни писателя, Педер Хузангай вернулся к личности Власа Паймена.

– Влас, несомненно, талантлив от природы. Тут его «золотая жила». Но он наделен также организаторским даром. Энергично собирал творческие силы в Средне-Волжском крае. Был делегатом учредительного съезда Союза советских писателей. Не один час провели мы вместе там. Он делегат от Средней Волги, а я – от Чувашии. В Самаре Влас был председателем.

Иванов-Паймен ревностно относился к авторам из Сызрани. Ему, как «врагу народа», отбывшему срок в зоне, не разрешалось селиться в столичных и областных центрах. Одно время они с Еленой Михайловной обитали в Сызрани, пока «органы» снова не погнали их в Красноярский край – бессрочная ссылка.

Напряженная творческая работа с русскоязычными авторами удачно сочеталась у него с личным созданием художественных трудов на чувашском языке! Он заинтересованно следил за удачами и просчетами родной республики. Не однажды делился со мною своей краевой организации, руководил редколлегией чувашской газеты «Колхозник» и альманаха «Среднее Поволжье» на родном языке...

Петр Петрович с печалью в голосе продолжил:

– Ни за что обидели человека – много лет в лагерях Севера и в ссылке. А не сломился – сильный духом чуваш!

Тогда еще не принято было, да и весьма опасно, затрагивать боль черных репрессий. Петр Петрович был чутким к чужой беде. Вспомнил несчастье Паймена как верный друг.

Петра Петровича высоко ценили товарищи по литературному цеху. После окончания Высших литературных курсов его избрали председателем правления Союза писателей Чувашской АССР.

* * *

Так сложилось, что я с семьей переехал в Куйбышев. Здесь коллеги избрали меня ответственным секретарем областного отделения Союза писателей РСФСР. Влас Захарович Иванов-Паймен был неизменным членом бюро этой организации. Рука об руку десять лет вели с ним общественно-творческую работу среди «пишущей братии» Куйбышевской области. Его эрудиция, работоспособность, природный такт и мудрость непростого опыта не раз были определяющими в разрешении профессиональных проблем, конфликтных коллизий. В нашей среде привычным стал вопрос: «А что об этом думает Влас Захарович?» С ним было легко и сложно работать. Самым коренным свойством натуры Власа Паймена была уважительность к окружающим, к чужому мнению, отцовская заботливость о литературной смене. К нему тянулись начинающие и молодые поэты, с ним советовались прозаики.

Не без влияния Власа Захаровича «выходили в люди» Юрий Шаньков и Валентин Столяров, Владимир Шостко и Иран Никульшин, известные ныне в России писатели. Влас Паймен был одним из первых, кто поверил в литературные возможности офицера Валентина Николаевича Мясникова, ставшего впоследствии лауреатом премий А. А. Фадеева и министра национальной обороны Польской народной республики.

Помню, с какой бережливостью Влас Паймен готовил к публикации стихи сызранца Анатолия Ульянова. Тогда он входил в состав редколлегии альманаха «Волга», правопреемника журнала «Волжская новь», который редактировал до ареста Влас Захарович.

Иванов-Паймен ревностно относился к авторам из Сызрани. Ему, как «врагу народа», отбывшему срок в зоне, не разрешалось селиться в столичных и областных центрах. Одно время они с Еленой Михайловной обитали в Сызрани, пока «органы» снова не погнали их в Красноярский край - бессрочная ссылка.

Напряженная творческая работа с русскоязычными авторами удачно сочеталась у него с личным созданием художественных трудов на чувашском языке. Он заинтересованно следил за удачами и просчетами родной республики. Не однажды делился со мною своей радостью за достижения собратьев по перу.

– Подумать только, сорок две нации в мире узнали о чувашском народе через стихи Педера Хузангая! Глубинно знает родной язык, быт и склад души, обычаи земляков, есть народная основа – есть литературный успех. Все прочее – от нечистого. Сегодня есть, а завтра – в нетях!

О творческом горении, о самозабвенности и силе духа Власа Захаровича свидетельствует такой характерный для него эпизод из его горькой години. Находясь в исправительном лагере зэков на прокладке заполярной Печорской железной дороги, изнуренный в тяжком физическом труде, Влас Паймен находил в себе силы для занятий словесностью. Как вспоминал профессор Самарского государственного университета, доктор филологических наук, сотоварищ Власа Захаровича по несчастью Лев Финк, «...в дощатом бараке на окраине Коми, вернувшись с работы, чувашский поэт Влас Паймен переводил с английского на русский сонеты Шекспира... Многие вечера скрасил нам голос Шекспира в тяжелые времена...»

В 1964 шекспировский год - вся планета отмечала 400-летие великого англичанина – в альманахе «Волга» № 31 (я тогда его редактировал) поместили сонеты Шекспира в переводе Власа Паймена. Этот сборник я отослал в Москву нашему учителю по Высшим литературным курсам, доктору филологических наук, профессору Литературного института, знатоку английской словесности Александру Абрамовичу Аниксту. Именитый шекспировед прислал отзыв: «...С большим интересом прочитал переводы В. Иванова-Паймена. В его

переводах есть несомненная удача. Вволновала меня маленькая заметка Л.Финка о том, как возникли эти переводы. Посылаю искренний привет В. Иванову-Паймену и Л. Финку. С товарищеским приветом А. Аникст».

Север и каторжный труд в Заполярье драматически отозвались через череду лет в Куйбышеве. Но и оставшись без ноги, великий оптимист Влас Захарович не отказался от сочинительства. Шлифовал, оттачивал стиль, дополнял свое капитальное произведение – роман-дилогию «Мост». Гимн победе над стародавней отчужденностью среди людей разных национальностей. Мост между душами сородичей на планете Земля. За этот роман-эпопею Влас Захарович был удостоен Государственной премии Чувашской АССР.

«Плохая вещь не нравится сразу. Средняя - при втором чтении, а «Мост» я прочел трижды и при каждом чтении открывал в нем новые достоинства", - сообщал Паймену из Чебоксар крупный писатель России Хведер Уяр (Афанасьев Федор Ермилович).

Произведения замечательного чуваша переведены на болгарский, украинский, белорусский, татарский, мордовский языки. За успехи на литературном поприще и в связи с 60-летием по представлению руководства Чувашской АССР и Куйбышевской области правительство СССР наградило юбиляра орденом «Знак Почета». Общественность города Куйбышева торжественно отмечала это событие. Теплые слова благодарности нестигаемому человеку. Слова хвалы за его стоический труд и долготерпение. За верность своему народу.

Были морозные сумерки воскресенья 16 декабря 1973 года. Мы вдвоем с Власом сидели на кухне его квартиры. Четвертинка со скромной закуской. И душа в душу - беседа.

- Знаешь, Михаил, с дрожью в сердце переводил двенадцатый сонет. - Влас Захарович по памяти прочитал:

*Когда веду часам жестокий счет,
Я знаю: ночь придет на смену
дня!..*

А за стенками хилого барака свистел полярный ураган. Бедное тепло едва текло от железной печурки.

*Я смерть зову. Мне опостылел
свет, Где жалкое ничтожество
в чести.*

Загрустневший Влас Захарович наполнил рюмки. Выпили молча. Елена Михайловна, бессменная подруга - жена гонимого и прославленного чуваша, напомнила:

- Влас, тебе завтра в стационар!

- Пусть об этом думает врач! - Паймен распевно продекламировал строчки другого сонета:

*Постыл мне свет, где столько
горьких мук,
Но без меня осиротеет друг!..*

На следующий день я проводил его в «неотложке» во вторую санчасть на улицу Степана Разина. Кстати, рядом с подвалами «органов», где в 1938 году его допрашивали с пристрастием следователи НКВД. Вечером уехал в Саратов на заседание совета редакции журнала «Волга». Ночью звонок из Куйбышева в гостиницу: «Умер Паймен!»

...Влас Захарович сидел в холле больницы. Смотрел телевизор, тайком курил, пускал дым в рукав пижамы. Сестричка искала его, чтобы отвести на очередную вечернюю процедуру:

- Дедуля!

А дедуля с окурком сигареты в губах безвольно повалился со стула, уронив на пол свой костыль. Он так и не вернулся к людям.

Праха классика чувашской литературы XX века, страстотерпца Власа Захаровича Иванова-Паймена покоится на старом городском кладбище Самары, в соседстве с мебельным комбинатом. Там же 27 ноября 1992 года схоронили и верную жену писателя Елену Михайловну. Они неразлучны и на том свете...

Михаил ТОЛКАЧ, заслуженный работник культуры РСФСР.